

Даже учет отчеканенных крупных серебряных монет и таких же серебряных, но мелких копеек велся отдельно. В отчете за 1701 г. на Кадашевском монетном дворе указано, что из общего количества сплавленного серебра «вышло денег по переделу 278 395 рублей 11 алтын 4 деньги», кроме того, «сделано монет на 1189 рублей 20 алтын».²⁰

В начале 1718 г. вышел указ о прекращении изготовления мелких серебряных копеек ручной чеканки. В нем, в частности, говорилось: «Сего 1718 года февраля с первого числа денег мелких не чеканить, и чеканы перевести, а делать тисненые».²¹ С этого времени вся без исключения продукция русских денежных дворов чеканилась не с помощью ручных «чеканов», а в специальных «тисневых станах».

С прекращением ручной чеканки в документах исчезает и термин «чекан». Орудия, которыми непосредственно чеканится не только серебро, но и медь, называются уже только «штемпелями». Например, 27 февраля 1718 г. (вскоре после прекращения выпуска мелкого серебра) вышел указ «О делании полушек (мелкие медные монеты, — В. Д.) по образцу резного штемпельного дела мастера Федора Подуруя».²² Здесь, как мы видим, резчик, изготовлявший орудия для чеканки меди, назван «штемпельного дела» мастером.

Термин «деньги» еще некоторое время обозначал медную продукцию русских монетных дворов. Впоследствии этим словом стали называть одни из мелких медных помпалов и одновременно всю совокупность бумажных и металлических знаков, находящихся в «денежном» обращении. В последнем значении термин «деньги» дошел и до наших дней.

И. Г. СНАССКИ И

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В НУМИЗМАТИКЕ НАЧАЛА XVIII в.

II НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ В. И. ТАТИЩЕВА

Русская нумизматика молода: она детище Петровского времени и первые шаги в научной систематизации своего материала делала, когда на Западе имелась уже обширная нумизматическая литература, издавались каталоги и существовала даже нумизматическая периодика. Эту литературу знали и в России. В 1736 г.

²⁰ ЦГАДА, ф. 1253, д. 18, л. 8—8 об.

²¹ ПСЗ I, № 3148. Именной указ от 24 января 1718 г.

²² ЦГАДА, ф. 248, д. 2, л. 574.

два десятка западных руководств по нумизматике поступили в Библиотеку Академии наук одновременно с коллекцией монет И. В. Брюса;¹ но они, как и то немногое, что раньше было там, ничем не могли вооружить первых исследователей русских старинных монет. Кое-что из сведений общего порядка можно было извлечь из записок иностранцев, посещавших в прошлые века Россию, да из немногих исторических сочинений, а в систематизации монет приходилось полагаться на свои силы и пробиваться через трудности, давно позабытые на Западе.

Всю сколько-нибудь доступную рядовому собирателю литературу представляли несколько изданий 1674—1718 гг. единственного Синопсиса, бедного фактами и именами, а ведь нумизматика будто нарочно создана для «археополюгии», так В. Н. Татищев называл исследования, излагаемые «по владетелям»: ² имя государя — первая нить в поисках определения монет. Обращение к древней письменности было неизбежно, и далеко не случайно присутствие списков Степенной книги в библиотеках владельцев тогдашних лучших коллекций — Я. В. Брюса, А. П. Волынского, А. И. Остермана.³

Что было более или менее доступным, особенно для не очень взыскательных собирателей, — это сами монеты. Даже в законном обращении, пока в него допускались по 1754 г. серебряные «проволочные» копейки (их чеканка прекратилась в 1718 г.), встречались отбившиеся от своего времени монетки 100—150-летней давности, а открывавшиеся клады XVI—XVII вв. выдавали их массами. Но клады старейших монет, упраздненных реформой 1534—1535 гг., были, вероятно, еще большей редкостью, чем теперь. Судя по удивительно сходному составу всех петербургских коллекций, о которых имеется представление на 1730-е годы, все они получили свои старейшие монеты, может быть, даже из единственного и не очень богатого клада.

Документы Кунсткамеры и известный в нескольких списках 1730-х годов Альбом нумизматических редкостей русских коллекций ⁴ (рис. 1) называют многих собирателей Петербурга и Москвы, причем наряду со «знатными персонами» встречаются уже коллекционеры-купцы и даже простой священник. Рост спроса породил первый «антиквариат»: менялы и скунавшие пе-

¹ Луцков С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 194.

² Татищев В. Н. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, с. 82.

³ Шапонов Я. И. К истории русского книжного знака конца XV—XVII в. — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 91; Луцков С. П. Книга в России в послепетровское время. 1725—1740. Л., 1976, с. 175 и 190.

⁴ Спаский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики. — Труды ГИМ, 1955, вып. 25, с. 37—40; Альбом «Рисованно-Российских медалей и курьезных монет. . .». Рукопись. Библиотека Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа; Собрание медалей, выбитых в разные царствования. Рукопись. Отдел рукописей ГИБ, Q IV 208.

РѢШЕНІЕ ЦРЯ СМЕКЪТА МИХАИЛОВИЧА ДѢЛА И ЗАКОНОВАГО ПОДСЕРВ. ДѢЛА
О С. МИРА ГИЛЬ А. С. Р. ХС. 1657. ПОПРЯКЪ ПРѢ ОБРЪЩЕНІЕМЪ ВОИСКАМИ УПРАВА БОСЪ
ЗНАЧЕНО АЛАЛГА ТАКАЕ СІМЪ УЕГО СОВѢЩАНИЕМЪ ПЕРВО СРЕДЪШЕГО.

Рис. 1. Одні из листов і унітаризаціоннаго вѣдѣнія 1737 года. Біб. шотенка Отдѣла нумизматическаго
Гос. Эрмитажа.

редельное серебро сидельцы серебряных рядов начинали понимать, что такая старая монета продается куда дороже, чем тянет на весах. Но и тут были свои трудности: с конца 1720-х годов время от времени правительством овладевало сильнейшее желание одним махом изъять у населения всю монету старинной чеканки «старше 206 года» (последнего уменьшения веса копейки) и начинались строгости; «старые копейки» становились заповедным товаром, и интерес к ним мог быть даже не безопасен, так как административная практика в отношении «тех, кто побольше число (монет, — *И. С.*) удержит для любопытства и памяти древности», впервые была ограничена законом только в 1754 г.⁶

До чего же трудны были эти монеты в определении! Неизменная со времени Дмитрия Донского техника чеканки на илущенных обрезках проволоки вынуждала мириться с тем, что на одну монету не попадало и половины причитавшегося ей, т. е. написанного и изображенного на штемпелях. Полные надписи приходилось «собирать» с нескольких одинаковых монет, а пайти их не просто. Но было бы что читать на них: на множестве монет, даже не очень старых, например, на почти всем обильнейшем наследии реформы 1534—1535 гг. и княжения Ивана IV, как и на московских денгах Василия III 1505—1534 гг., написаны только титулы — «князь великий», «государь» и т. п.

Но постоянно наличию в легенде имени с отчеством легче определялись монеты Ивана III 1462—1505 гг., но не без посягательств на именные денежки его тезки — внука. А добрую половину всего, что на протяжении столетия было выпущено до Ивана III двумя-тремя поколениями великих и удельных князей, но крайней мере в 25 городах, опять составляли анонимные монеты: одни — с неумело выписанным подобием арабского письма джучидских монет, другие — с русскими, но слишком скучными словами — «печать князя», «княжа», «князя великого» и т. п.⁶ Надписи пополнили монеты неведомым великим и невеликим Иванам, Василиям, Борисам, Данилам, Мпхайлам. . . Поэтому радостью для собирателя были нечастые монетки с именами-отчествами и денги и медные пулы с именами городов.

Что же знали о своих монетах и как справлялись с их определением знатители русской нумизматики? Ее состояние и круг систематизационных идей начала XVIII в. способны приоткрыть для нас только немногие, чудом сохранившиеся в подлиннике или в описаниях рукописные каталоги коллекций да единственный для всего XVIII в. печатный 1745 г. *Nummi Ruthenici* собрания Кунсткамеры.⁷ Кунсткамера Академии наук стала оной русской ну-

⁶ ПСЗ, т. XIV, № 10225.

⁷ И в настоящее время существует илущительный фонд монет XIV—первой половины XV в., но поддающийся определению. См.: Орешников А. В. Российский Исторический музей. Описание памятников. Вып. 1. М., 1896, № 898—1043.

⁸ *Musei Imperialis Petropolitani vol. II, pars tertia, qua continentur nummi recentiores. Petropoli, 1745.*

нумизматики, ее старейшим издателем и архивом. Ядро первой русской государственной монетной коллекции — «Государев кабинет» — большое, но беспорядочное собрание Петра I,⁹ включающее немало русских монет, иногда в виде маленьких отдельных коллекций. «Росписи» двух из них, поднесенные Петру вместе с монетами в 1720 и 1724 гг. московским священником Федором, — образец старинной систематизации «по Сипонсиеу», с монетами предков славян — скифов и сарматов, «князя Игоря Августовича» (анонимные конейки Ивана IV со слитной надписью КИЗЫГДРЬВСЕЯРУСИ, где Д похоже на 0)¹⁰ и т. п.

Каталог Кунсткамеры свидетельствует, что в Академии наук уже было кому заниматься изучением и описанием античных европейских и даже восточных монет,¹⁰ но не русских: они описаны крайне беспомощно. Тем не менее именно Академия стояла у колыбели русской нумизматики. 15 января 1728 г. в протоколе Конференции было записано: «Петр Меллер из Москвы, искуснейший в исследованиях истории, географии и древностей российских, явившись в Академию, представил свой труд, который сочинил на русском языке о русских, татарских и прочих монетах всех времен, и по просьбе г. Шумахера и других членов Академии обещал, как только вернется в Москву, отправить в Академию как образец некое отдельное рассуждение на этого труда».¹¹

Петр Вахромеевич Меллер — любитель нумизматики, родившийся и выросший в Москве голландец, владелец Истицкого и Угодицкого железоделательных заводов. Одна из редкостей его коллекции опознана в Эрмитаже, куда поступила из Кунсткамеры¹² (рис. 1 и 3, е).

Меллер исполнил свое обещание: в марте 1735 г. Конференции было доложено, что рукопись Меллера переведена на латынь, а выпущенный в 1737 г. в Ревеле «Исторический словарь писате-

⁹ Спасский П. Г. 1) Очерки. . ., с. 40—48; 2) Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики. — Изд., 1970, т. VIII, с. 126—129.

¹⁰ 200 летие Кабинета его имп. величества. 1704—1904. СПб., 1911. Приложение, с. 59 и 64 (более полная публикация, чем в «Материалах по истории имп. Академии наук» (т. V. СПб., 1887, с. 107—109)); Спасский П. Г. Из ядра русской нумизматики. — В кн.: Русская культура и искусство Петровского времени. Л., 1977, с. 54—57.

¹¹ Стиниюк Ю. П. Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М. — Л., 1953, с. 88—89; Спасский П. Г. Очерки. . ., с. 57. — В Эрмитаже недавно опознаны рукописный каталог 1696 г. коллекции античных монет Людерея, часть которой была приобретена Петром I в 1721 г., а остальные монеты вместе с каталогом — в 1738 г.: *Catalogi Georgii Lyderici pars prior, recensens nummos antiquos*. — Библиотека Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа.

¹² Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 г., т. I. СПб., 1897 (далее — Протоколы), с. 11.

¹³ Гамиль Н. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1820, с. 24—25; Чарыков П. В. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Меллера (1637—1694). СПб., 1906, с. 493 (Родословие Меллеров).

лен» называет «московского дворянина Петра Меллера» автором трактата «о российских деньгах, который на латинском и русском языках находится в рукописи». Составитель словаря Адам Бурхард Селлий как раз и был тогда переводчиком при Академии наук.¹² Однако издание труда Меллера Академией наук так и не состоялось, а обе рукописи до последнего времени считались утраченными, но, как кажется, латинский манускрипт не погиб. Поверить этому легче, если иметь представление о некоторых русских каталогах того времени.

Высокую оценку Меллера, знатока русских монет, сохранило письмо В. Н. Татищева 1732 г. к советнику Академии И. Д. Шумахеру по поводу подготовки к изданию каталогов Кунсткамеры. Татищев писал: «Господин Петер Муллер многие способы к рассмотрению (русских монет, — И. С.) подать может, поуже он в том доволью прилежал».¹⁴

В трудах В. Н. Татищева обращения к материалу нумизматики мало, но они свидетельствуют о хорошем знакомстве его с фондом монет Московской Русп, представленных в лучших тогдашних коллекциях; он близко знал многих их владельцев — Я. В. Брюса, П. И. Мусина-Пушкина, А. П. Волынского, А. П. Остермана, пополнял «медальми и деньгами» коллекцию Кунсткамеры, привозя их из-за границы.¹⁶ В отличие от многих позднейших историков Татищев готов был признать, что арабские (куфические) монеты русских кладов служили на Руси деньгами.¹⁸ Однако русские монеты для него оставались только вспомогательным, иллюстративным материалом, когда могли подтверждать то или иное положение опирающейся на письменные источники истории; он оспаривал мнение «несведущих истории» о том, что на новгородских монетах изображена Марфа Посадница (она пользовалась успехом еще в начале XIX в.); но, указав поначалу, что «мнят сие княгиню Ольгу», в окончательном тексте оставил только истолкование сюжета: «жена сидячая с крестом и народ перед нею на колених припадши».¹⁷

¹² Протоколы. . . , с. 177; Каталог писателей, сочинениями своими обясняющих гражданскую и церковную российскую историю, сочиненный Адамом Селлием. М., 1815 (Sellius A. Schediasma litterarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrent. Revali, 1737); РБС (Сабанев — Самелов), 1904, с. 292.

¹⁴ Материалы по истории мин. Академии наук, т. II. СПб., 1896, с. 180.

¹⁶ Адрес к А. П. Перенскому В. Н. Татищеву за 1746—1750 гг. — Истор. архив, 1951, т. VI, с. 251. — В Эрмитаже находится серия шведских медалей, которую Татищев поднес Екатерине I в 1726 г., возвратившись из Стокгольма (200-летие Кабинета. . . . Приложения, с. 66).

¹⁸ Т а т и щ е в В. Н. История Российская, т. IV. М.—Л., 1964, с. 180, прим. 258: «. . . а иже мнѣся, что от болгаров монеты имели, которых с арабской надписью повсюду множество в земле находится»; с. 71: «Находившися в земле деньги арабские старѣе докладают, что они. . . с восточными срацины. . . купечество имели, и на севере не только на Руси около Новгорода, но и Швеции и в Готландии паходяшися, те деньги не иначе как чрез их на Гордериков коммерцією апесены».

¹⁷ Там же, т. I, с. 437 и 352.

В важнейшем вопросе истории денег на Руси — о начале их чеканки — он полагался только на самую раннюю «прямую» дату, названную летописью (1420 г., Новгород).¹⁸ Вполне определенное, но косвенное упоминание — «старые деньги» во время догосовизны 1411 г. — было для него недостаточно доказательно.¹⁹ Он пишет: «В Москве и в других княжениях. . . тогда же деньги делоть начаты, ибо старее великого князя Василия не шло». ²⁰ Очень интересно его упоминание о «белых лобках»: «До употребления серебряных денег считали белыми лобки: их неко- лико в Новеграде я лет пред сим 38 видел хранимые». ²¹

В 1740 г. Шумахер послал Татищеву на просмотр подготов- лепное для Каталога описание древнерусских монет. Возвращая эту «роспись» вместе с отзывом (ныне несохранившимся), Тати- щев продолжил обсуждение ее и в сопроводительном письме,²² представляющем большой интерес и публикуемом впервые:

«Благороднейший Г-дн Советник, мой Государь. Присланная от вас роспись старых денег высмотрел и колпко время допустило, изъяснение на оные написав, при сем посылаю, по при том сле примечаю.

1. Что начертаней на оных касается, то о многих видно, что по некоторым знатым обстоятельствам деланы, яко эмблематы. Например, два человека держат дерево, видно некоей союз или мир, иные же изображает победы брани и проч. Как и о не- которых по изъяснении приметно. Однакож мню, что некоторые, перенимая одни у другою без причины равное от незнания изо- бражали, как то видим Иоан III орла двойково мог употребить прияв по жемке наследие герб греческий, орла двоеглавого, другое же летящий орел мог эмблемат быть в янак его приятого над всеми князи самовластия, шаравно то же видим и на тверских депгах в то время безо всякой причины сколько от истории видим.

¹⁸ Там же, т. V. М.—Л., 1965, с. 229; т. VII. М.—Л., 1968, с. 215—216.

¹⁹ Там же, т. VII, с. 218.

²⁰ Там же, т. I, с. 368; т. VII, с. 215—216.

²¹ Продолжение Древней российской палатофакки ч. I, содержащая Правду Русскую и Судебник. . . с примечаниями В. П. Татищева. СПб., 1786, с. 18. — «Лбы белны», «лобцы» см.: Т а т и щ е в В. П. История Рос- сийская, т. VII, с. 215 и 420. — «Белыи лобцы», «белые лобцы» и т. п. новгород- ских и псковских летописей, т. е. белые (серебряные) «любские» (Lübische — от Lübeck) монеты западных торговых партнеров Новгорода и Пскова (см.: М о л о т о в А. Н. Номиналы мелких монет Ливонии с середины XIII в. до второй половины XVI в. и некоторые вопросы денежного дела Новгорода и Пскова. — Изв. АН ЭССР, 1963, т. XII, серия общ. наук, № 4), долго оставались предметом мучительных раздумий историков. Но усмотрел ли их Татищев в раковинах клаури, которые около 1700 г. могли залежаться у кого- нибудь в Новгороде, поскольку они массово ввозились туда из Прибалтики еще в XVI в. для торговых оборотов на Волге. Эти раковины действительно напоминают лобную часть черенка небольших жупотных.

²² Архив АН СССР, ф. 1, оп. 31, л. 41—42; А н д р е е в А. П. Труды В. П. Татищева по истории России. — В кн.: Т а т и щ е в В. П. История Российская, т. I, с. 27.

Разве оные тперские тогда деланы, как он там княжешем овладел, что и о прочих разъяснить можно.

2. Татарские надписи, как я помню, у графа Брюса многие были переведены, и оное весьма пужко, понеже чрез то многое изъяснить возможно, особливо в летах, если. . ., где имена ханов упомянуты или причины начертанием удобнее открывается и для того желал бы оные переводы при том видеть.

3. Порядок тех денег видится в ящпках или досках, надобно бы переменить, яко, во-первых, великих князей московских, потом каждого княжения особно, а в княжешнях, ваяря на князей, кто после кого был, что по гистории учинить весьма нетрудно.

4. Во оной росписи не мню, чтоб все деньги находящиеся в сокровищах академии написаны были. Понеже, кроме тех, которые и его императорского (так! — И. С.) в собраниях были, многих довольно знаемых мне, бывших у графа Брюса, не находится в росписи,³³ а именно смоленских, ростовских, ярославских и пр., которые я ему отдавал в разные времена. Может, они не все разобраны или утрачены, но как без того собрание оное недостаточно, то надобно весьма стараться, сколько возможно собрать, ибо вижу у Меллера много таких, которых в кабинете академическом нет, к тому сколько мне слышать случалось, что в Тайной канцелярии в описных пожитках и конфискации попадаете еще и сам в пожитках Волынского видел, а падеюся, что у Мусина их есть немало, о чем токмо из Кабинета потребовать, то можете немало пополнить, а иначе, если б указом объявить о таких старых деньгах, чтобы за достойную цену приносили, положи хотя по 4 коп. и оные в знатных городах собрать велеть, но притом надобно там о имеющихся росписи сообщить, чтобы видя непотребных дорого не купили. . .».

О «росписи», присланной Татищеву еще на русском языке, а не на латыни Каталога, дает полное представление последний (рис. 2), так как советы оказались бесполезными; замечание относительно странного порядка монет в «росписи» сохраняет полную силу и для книги. Это самое непритязательное, поштучное описание монет безо всяких домыслов или соображений о том, чего нет в их надписях (т. е. о датах, княжествах, носителях называемых имен и т. н.), и в непонятной последовательности. Добросовестно выписаны легенды монет — имена и титулы, кратко определены изображения, по «князья» и «великие князья» идут попеременно.

Можно подумать, что, раскладывая монеты впервые, кто-то, не считаясь со смыслом титулования, стремился по отчествам найти «фамильный» порядок. За тремя монетами князя Александра Ивановича (городенского) значится 16 — великого князя Бориса

³³ В Каталоге Купсткамеры описан молдавский «сталер злат», приобретенный Брюсом в Нюрнберге в 1723 г. и признанный им за русскую медаль. См.: С п а с е к и й И. Г. Очерки. . . с. 47—48, табл. XI.

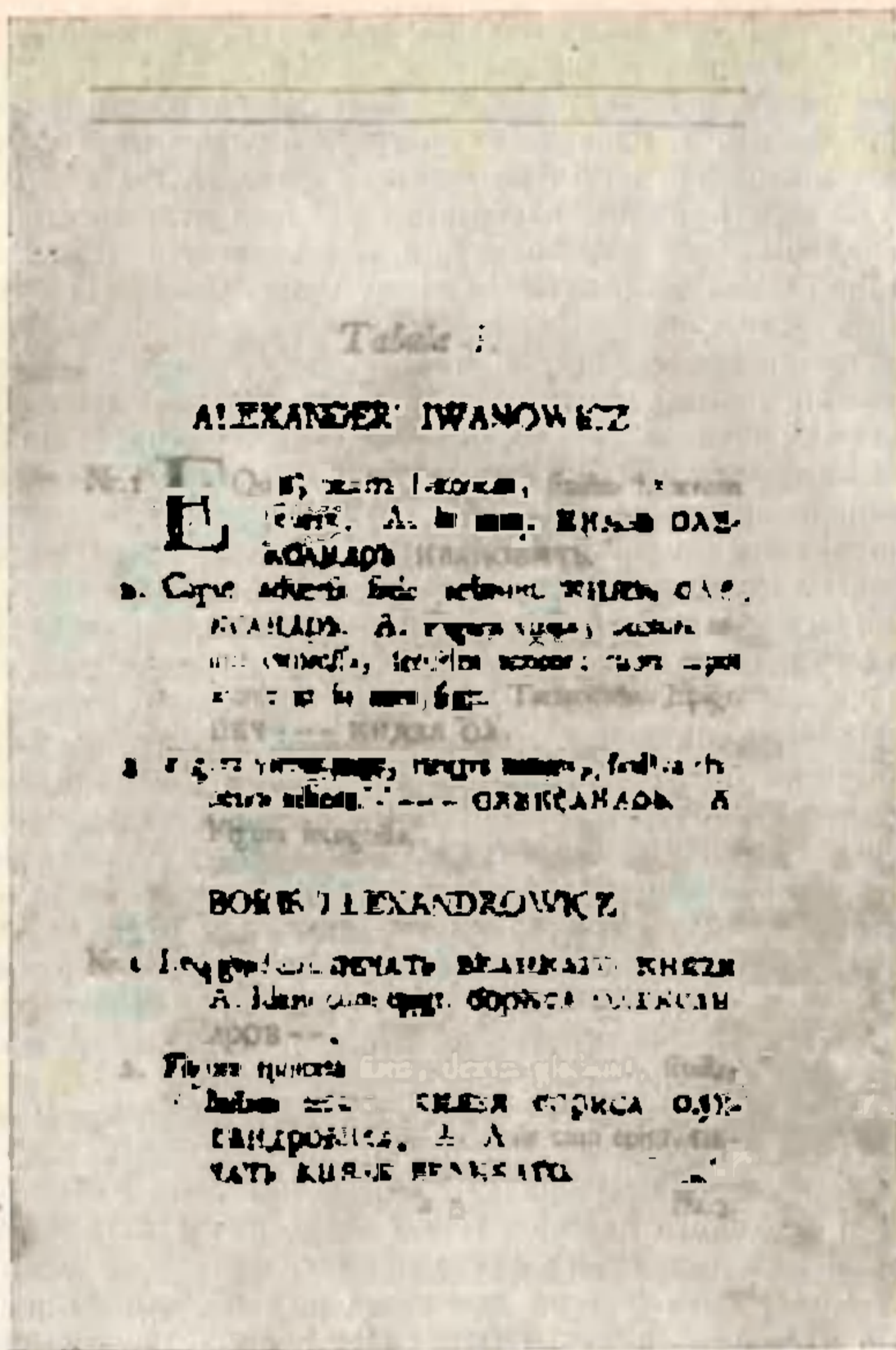

Рис. 2. Начало описания русских монет в Каталоге Куест-камеры 1745 г.

Александровича (тверского, сына предыдущего), 4 — князя Ивана Борисовича (суздальско-нижегородского, отнюдь не потомка предыдущих), далее 43 монеты Васильев — самых разных, великих и певеликих, Ивановичей и Васильевичей (когда они с отчествами), 12 — тоже разных Михайлов. За ними по 1—5 монет шести опять подобранных по отчеству удельных князей (галичских, можайских, серпуховских), а седьмой и «великий»

(тверской Иван). За несколькими неопределенными монетами (*incogniti*) идут группы «городских» — Твери, Новгорода с Псковом, Москвы и Рязани; за ними более полусотни «русско-татарских» с любимыми русскими именами и без них. После двух тишор монет с именами денежников и большой группы «Иванов» начинается с царя Федора понятный хронологический порядок.²⁴

Первый пункт письма В. Н. Татищева представляет собою скорее его раздумья, чем какие-нибудь рекомендации. Его влекли вопросы геральдики древней Руси и в этой связи «эмблематы», которые хотелось найти в изображениях на монетах. Смущало, что принимаемая им за «летающего орла» птица присутствует не только на московских, но и на тверских монетах, главным образом на ничтожных по ценности медных пулах, в Москве всегда анонимных, а он причислял этот сюжет к геральдическому «приданию» Зои Палеолог. (Теперь первые московские пулы с птицей относятся ко времени Василия Темного). Из текста письма не видно, чтобы В. Н. Татищеву были известны тогда тверские серебряные денги с настоящим двуглавым орлом (рис. 3, а), таким, каким он представлен у Ивана III впервые на печати при документе 1497 г.²⁵ Псковское пуло начала XVI в. с этим же сюжетом (рис. 3, б) он не знал, иначе непременно назвал бы его вместе с другими. Одно из последних приобретений русской нумизматики — корабельник Ивана III и Ивана Молодого — по-новому ставит вопрос о родовом «эмблемате» московского княжеского дома второй половины XV в.²⁶

В доставшемся Кунсткамере собрании Я. В. Брюса действительно были прочтены и переведены по-русски арабские надписи, но подлинных джучидских монет,²⁷ а не подражания их надписям русских денежников, но большей части вовсе не читаемые. В. Н. Татищев не был одинок в уклонениях на точную датировку древнерусских монет через прочтение их «татарских» надписей, в которых хотелось видеть органически принадлежащую каждой данной монете часть ее легенды. Бесперспективность этих расчетов стала ясной лишь в XIX в.

В. Н. Татищев считал, что описания монет в каталоге следовало бы расположить по княжениям, начиная с московских великих князей, для чего требовалось провести определение их «по истории». Но были ли в отзыве конкретные указания и касались ли

²⁴ *Musei Imperialis*, . . ., p. 3—26.

²⁵ СГГД, т. I, с. 333.

²⁶ С и в с е к и и И. Г. Монетное и монетовидное золото Московского государства и его первые золотые. — *Вспомогат. истор. дисциплины*, VIII. Л., 1976. — Претензии на введенного впервые имп. Сигизмундом (1410—1437) имперского двуглавого орла делаются вполне ощутимыми в Москве и XVI в., но не в чеканке монеты, а только золотых. По времени это совпадает с началом массового притока на денежные дворы России серебра в форме талеров, среди которых самое видное место принадлежало имперским. Ср.: *Alef Gustave. The adoption of the Muscovite twoheaded eagle: a discordant view.* — *Speculum*, 1986, v. XLI, N 1.

²⁷ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 140.

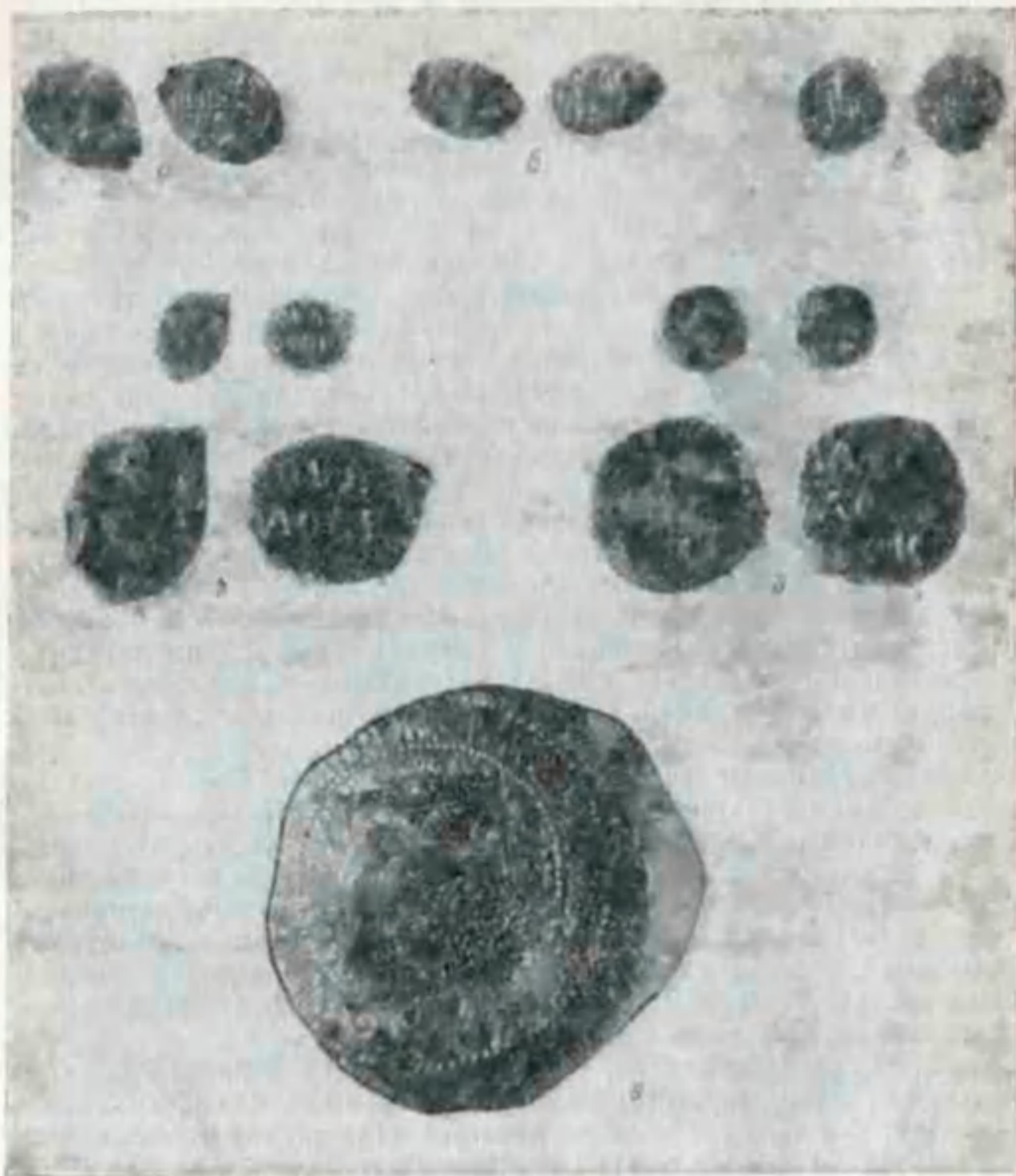

Рис. 3. Монеты на собрания Гос. Эрмитажа.

а — тверская денга до 1486 г. с изображением двуглавого орла; б — пенное пуло рублею XV—XVI вв. с тем же изображением; в — орловская денга (Тверь, кн. Михаил Юрьевич); г — московское раннее пуло с изображением гарши (натур. величина и двойное увел.); д — «смоленское пуло» (дефектное московское пуло) (натур. величина и двойное увел.); е — рубль Алексея Михайловича 1654 г. из коллекции П. В. Меллера.

они того, как быть с множеством сомнительных и вовсе не поддающихся определению монет, которые так или иначе должны были получить место в каталоге? Ведь и в собственной коллекции Татищева «400 Василиев» способны были тогда задать немало загадок!²⁸

Каталог Кунсткамеры выступает в несколько ином свете, если сравнить его с сохранившимся почти в полном составе каталогом коллекции А. И. Остермана. Она была доставлена в Кунсткамеру (вместе с рукописным каталогом в двух частях и с «Рисовальной книжкой» — альбомом зарисовок всех монетных типов) ведшим русскими монетами помощником библиотекаря А. И. Богдановым в 1742 г. на Комиссии конфискации через два года после того, как «роспись» Кунсткамеры читал Татищев.²⁹

Первая часть каталога содержит совершенно такое же, как в Каталоге Кунсткамеры, «беспорядочное» описание всех типов монет, лишенное уточнений и датировки, и с самыми незначительными отличиями в последовательности. Вторая, именуемая «Генеральным реестром», — голый перечень тех же имен (с отчествами и без них), но без титулов, а также имена денежников, названия городов и т. п. Для каждого имени реестр указывает номера монет, их места в шкафу и номера рисунков, соответствующих или близких данной монете. Одна и та же монета может относиться к нескольким «именам» — князя, города, к «татарщине» и т. п. Итак, два разных каталога являясь следуют одному и тому же оригиналу, а второй даже приоткрывает подобие какой-то системы организации собрания, пока что не очень понятной.

Альбом Остермана в Кунсткамере не уцелел, по его рисунки, очевидно в перекомпонованном виде, опознаются в книге П. Г. Леклерка о древней Руси.³⁰ Ученый-врач, дважды вступавший в русскую службу в 1759 и 1769 гг. и на-за близости к К. Г. Разумовскому ставший даже почетным академиком, покидая Россию в 1777 г., увез много ценных «подарков» хозяиновича и в Академии Тауберта³¹ и не считал нужным это скрывать. В числе его «трофеев» был и альбом Остермана (рис. 4). На последней таблице Леклерка свободное место заполнено сделанными уже в Париже рисунками с увезенных из Петербурга уникальных монет Кунсткамеры и выкопировкой одного рисунка из прихваченного оттуда же экземпляра упоминавшегося рукописного альбома. (Список деандерат при каталоге Остермана перечисляет чуть ли не все предметы этого альбома).

Как и в других выполнявшихся в XVIII в. зарисовках русских монет, изображения их вписаны в пары правильных кружков

²⁸ Татищев В. Н. История Российская, т. I, с. 369.

²⁹ Материалы по истории изд. Академии наук, т. V, с. 151—152, 253, 535—536.

³⁰ Le Clerc M. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne, v. 2. Paris, 1783, pl. I—IV.

³¹ Сидеский И. Г. Очерки. . . , с. 60.

Рис. 4. Часть таблицы книги Леклерка с изображением монет альбома А. П. Остермани.

одного размера, каковы бы ни были по размеру и форме сами монеты.²² Около некоторых из них обводилась подлинная форма монеты, как масштаб. Но без насилия над материалом Леклерк постарался соотнести рисунки остермановского альбома с текстом замечательной рукописи на латинском языке того же происхождения (т. е. из Кунсткамеры), озаглавленной «HISTORIA NUMISMATICA IMPERII RUSSICI», поскольку в ней имелись отсылки к померам рисунков.

На 18 страницах книги Леклерка присутствуют все имена Каталога Кунсткамеры и «Росстра» Остермана в той же самой послед-

²² Таково же хранящееся в Эрмитаже таблицы рисунков, готовившееся для каталога 1768 г. См.: Сидеский П. Г. Очерки. . ., с. 67—69.

допательности: *Dux Alexander*, *Dux Boris Alexandrovitz*, *De principibus Borissis*, *De principibus Vasiliis* и т. д. (рис. 5). Но они служат заголовками 152 разделов, представляющих собою выборку из четырех источников сведений об исторических лицах, городах и событиях, имеющих отношение к русским монетам, хотя меньше всего там говорится о последних. Как и в каталоге Остермана, одному «монетному» имени могут соответствовать несколько выписок и рисунков. Особенно велики сводные группы «Василиев» и «Иванов», но здесь они подразделяются по отчествам: Василиев — 6 (3 из них проходят далее еще и отдельно); Иванов — тоже 6 (двум из них предоставлены самостоятельные разделы).

Каждой выписке в четырех графах соответствуют: дата (в двух летосчислениях), источник — *Step.*, *Extr.*, *Ann.* и *Map. Rjaz.* — Степенная книга, то ли какое-то «Извлечение», то ли так переведено слово «Сборник», летопись (точнее не названная) и «Рязанская рукопись». В последней графе — *Folia* — указаны листы, с которых был заимствован текст! Из Степенной книги изито столько же, как из трех остальных источников вместе. Таким образом, ее литературная история обретает в рассматриваемом сочинении свой последний этап *ad vivo* — «лумизматическую редакцию».

Судя по пагинации, Степенная книга, которой пользовался составитель, была громадным списком с обстоятельным позднейшим прибавлением, так как на ее 2182-м листе находятся сведения о царе Владиславе Сигизмундовиче. Последнее событие на «Извлечения» с 1681-го листа относится к 1547 г., с 1681-го листа «Летописи» — к 1416 г. и с 150-го листа «Рязанской рукописи» — к 1275 г. (вступление на московский стол Даниила Александровича).

За 16 именами, перебитыми (вслед за Можайским князем) главкой *De nummis Mojaisceusis* (иначе, о монетах не упоминающей), идут «монетные» города — *De nummis. . .*; кроме ранее называвшихся, есть еще Кашин. О монетах имеется только по одной цитате в новгородском и псковском разделах. Хорошо известной денге Ивана III с бессмысленным набором букв вместо легенды³³ соответствует глава *De nummis Narvensis expeditionis*, где налагается «чудо» с иконой Николая и события 1558 г. (в Каталоге Купсткамеры эта надпись читается «До Рудевенского походу», у Остермана — «О Ругодевском походе», но далее встретится истолкование ее же «До Нова городу» — в каталоге Я. Брюса).

Латинский язык принадлежащей Академии наук рукописи свидетельствует, что она была подготовлена тем к изданию,³⁴ а первоначальным ее языком мог быть лишь русский. Все, что выше излагалось, сходится на том, что трактат П. В. Меллера

³³ Сняской И. Г. Русская монетная система. Изд. 4. М., 1970, с. 98 и 106, рис. 4.

³⁴ Пожар 1747 г. надолго нарушил все издательские планы Академии.

HISTORIA NUMISMATICA IMPERII RUSSICI.

DUX ALEXANDER.

Nº 1.

	Anno indict.	Christi anno.	Mois indict.	Page.
A LEXANDER I. Imperator, filius Duci Jani Michailowicz Ternowitzi, Princeps. Fat. Soudalit.	4900	1130	Sept.	1030
Usor Imper. Præsentis Aevi, filius G. Mag. - Duci Vall. D.	6117	1414	Exrc.	110
Post obitum patris, successit ei princeps Jan Ternowitzi.	5933	1413	Exrc.	385
<i>Alia.</i>				
Dux Alexander Ivanowitzi, filius G. Duci 1700-1725 Janis 1720 Bocharowitzi.	6300	1416	Ann.	419

DUX BORIS ALEXANDROVITZ.

2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

Filius Princeps Theophilus Alexander Imperatoris, princeps
jura sua Tertia.

Filius eius Magnus Dux Vasilii Imperatoris, imperatoris
nisi successit, filius Duci Boris Alexandrowitzi filius sui
Imperatoris.

Usor ad ipsum Theophilum Magni Imperatoris Vasilii Imperatoris, cui postea exhibita Imperatoris Imperatoris nisi successit Princeps Sc.	6215	419	Ann.	419
Diem obiit Imperator.	6090	1463	Exrc.	406

DE PRINCIPIBUS BORISIS.

10, 11, 12.

Princeps Borissus, Borissus Vasilowitzi, filius Princeps
Borissus Vasilii Constantinowitzi Imperatoris.

Dux	6170	1374	Exrc.	174
Dux	6170	1374	Exrc.	174

Рис. 5. Цепь страниц «Нумизматической истории Русского государства» в кн. Дюклерка.

все-таки был опубликован, но только не Академией в Петербурге, а Леклерком в Париже.²⁰

Высокая оценка 1728 г. относилась, несомненно, не к самому сочинению, которое демонстрировал Меллер, а к тому, для чего оно требовалось и что В. П. Татищев называл «многими способами». Академия оценила оригинальную методику поиска атрибуции монет путем сопоставления эпиграфических и пиктографических данных их самих и данных летописания, т. е. самих «древностей» с «историей и географией». Аппарат исследования Меллера оказывается не таким уж далеким от нынешних нумизматических опытов применения перфокарт: при наличии, например, княжеских имен на «городских» монетах они отсылаются в «именные» группы, по обедням и городским; «царь Тахтамыш» (соответствует «русско-татарским» Кунсткамеры) подбирает всю «татарщину» надписей, не мня двуязычные монеты с русскими именами, но передает последние и в «именные» группы и т. д.

«Комбинаторный» метод обработки массового материала, который нашел Меллер для своих на 90% *incogniti*, строится путем множественных повторных перегруппировок по ведущим признакам определить место изучаемого предмета среди других и правильно «утрясти» весь изучаемый комплекс, прежде чем ставить целью конкретные атрибуции; он не тороплив и предполагает возможность притока нового материала (Меллер не располагал и половиной известных теперь «монетных» имен). Это систематизация в пути, и ее последнее слово будет сказано через несколько десятков лет — в замечательном каталоге тем временем пополнившейся новыми монетами коллекции Кунсткамеры, который был закончен в 1768 г. А. П. Богдановым,²¹ сотрудником М. В. Ломоносова по созданию «Краткого Российского летописца».

П. В. Меллер предлагал метод, но составители каталогов Остермана и Кунсткамеры, не вникая в существо дела, воспользо-

²⁰ А. А. Куник, писавший в 1848 г. о некоем «рукописе на русском языке о монетах России», якобы поднесенной автором Петру I, которая напечатана не была (К и н и к А. *Verschiedene Nachrichten über Krug's historische Laufbahn.* — In: К р у г F. *Forschungen in der ältesten Geschichte Russlands*, B. I. S.-Petersburg, 1848, S. XVII), несомненно говорил о рукописи Меллера, но отправлялся от сообщения Селля, уже приукрашенного Евгением Болховитиным за счет разного рода «анекдотов» о Петре (Е в г е и н Я. *Словарь русских святых писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России*, ч. II. М., 1845, с. 54). От высказанного ранее предположения о А. П. Богданове (работал в Академии с 1730 г.) как возможном авторе «Нумизматической истории» и давно отказался. Она много старше и могла существовать даже до 1725 г. П. Н. Берков, познакомившись с моей статьей 1955 г., советовал мне продолжить поиски материала о Меллере именно в этом плане.

²¹ Репляил, учиненная в 1768 г. . . . всему Мишцкабинету с приложением краткого перечня и вновь сочиненного обстоятельного каталога российских денег, монет и медалей. Рукопись. Библиотека Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа. — Каталог древних монет до 1700 г. составляет отдельную часть с самостоятельной pagination. Между его листами сохранились многие вырезки из забранных таблиц, о которых говорилось в прим. 26.

зовались «беспорядком» расположения глав в «Нумизматической истории» как образцом для описания монет. По методическую сторону разработки Меллера, а заодно и некоторые совершенно неожиданные подробности выявляет особенно рельефно еще один каталог того же времени; к его открытию привело одно замечание В. Н. Татищева в письме 1740 г.

Отмечавшаяся выше «сдержанность» В. Н. Татищева в отношении монет как исторического источника выступает особенно убедительно при сравнении с безрассудной храбростью М. М. Щербатова, готового решать любые проблемы совершенно неведомом ему «нумизматической науки». ³⁷ Но как собиратель и Татищев иногда не мог устоять перед искушениями, таившимися в монетах; как раз к нему и восходит одно из старейших заблуждений русской нумизматики.

В. Н. Татищев знал все названные в письме 1740 г. коллекции: монеты А. П. Волынского в Кунсткамере оставались недолго и вскоре были возвращены дочери казенного вельможи; бывшая принадлежность отлично подобранных монет П. П. Мусина-Пушкина помечена в названном выше новом каталоге Кунсткамеры. ³⁸ С Мусиным-Пушкиным Татищев с 1727 по 1733 г. разделял заботы по коллегияльному управлению Московским монетным двором. ³⁹ В конце письма Татищев вспомнил об особенно редких, по его мнению, монетах, которые он сам «в разные времена» отдавал Я. В. Брюсу — «смоленские, ростовские и ярославские». Две из них он уточнил, упомянув их в «Примечаниях на книгу Страленберга» как «смоленские и ярославские пули» (медные пулы); ⁴⁰ тем самым уточнены и «ростовские»: они пулами не были, следовательно, имя Ростова вычитано на серебряной монете, но на известных монетах ростовских князей названия города нет, они опознаются только по именам князей. С полной уверенностью можно признать, что слово «Росто(в)» Татищев увидел на замечательной в своем роде тверской денге великого князя Ивана Михайловича, легенда которой в полном виде составляет загадочное изречение — РОСТО ЖАНА БЕЗУМНА ГОЧЕЛО. . . — и в свое время порождала массу курьезных догадок. ⁴¹ Монеты эти не из редких, и в Каталоге 1745 г. их значится 6, а на двух, вошедших в Эрмитажное собрание, хорошо читается это слово (рис. 3, в).

³⁷ Щербатов М. М. Опыт о древних российских монетах. — Академические известия, 1780, ч. VI, с. 291—351 и 445—474; 1781, ч. VII, с. 32—48, 134—171, 304—318 и 433—442; ч. VIII, с. 566—581, 698—713 и 825—842.

³⁸ Спасский Н. Г. Очерки. . . , с. 52—54.

³⁹ Георгий Михайлович, вел. кн. 1) Монеты царствования имп. Екатерины I. СПб., 1904, с. 24; 2) Монеты царствования имп. Петра II. СПб., 1904, с. 2.

⁴⁰ Татищев В. Н. История Российская, т. VII, с. 430: «В некоторых же княжествах делали медные деньги, именуемые пули. . . каковых еще видны тверские, можайские, смоленские и ярославские. В прочих же, может, были, да мне видеть не случалось».

⁴¹ Спасский Н. Г. 1) Русская монетная система, с. 90, № 5 и с. 98; 2) Очерки. . . , с. 95, прим. 4 и с. 98, прим. 3.

Рис. 6. Таблица — прило жено к кнп е Шм їдта 1777 г. Грле р Ап і о і Ан уст Б е с. Б жоуппейс.

Редчайшее нуло ярославское как будто существует, если уникальнейший экземпляр Эрмитажа — не подделка, но он другого происхождения — не из монет Академии. Если бы речь шла о серебряной денге, догадка прежде всего привела бы к плохо сохранившейся серпуховской монете князя Василия Ярославича. Медная же скорее всего высмотрена среди наиболее обильных, разных по типу и трудпочитаемых тверских нулов. Зато смоленское нуло В. И. Татищева — Я. В. Брюса определяется без всяких затруднений, и значение этой находки очень велико.

В 1777 г. в Риге вышла книга о России 1724—1730 гг. Христофа Шмидта-Физельдека,⁴² который, покинув Геттингенский университет, в 1759 г. по рекомендации А. Бюшнга отплавился в Россию в качестве домашнего учителя в семью бывшего камергера и генерал-поручика графа И. Э. Миниха (сына фельдмаршала), находившегося в бессрочной ссылке в Вологде. По возвращении Миниха в Петербург Петром III Шмидт еще год провел и там, а в 1763 г. вернулся в Геттинген. Получив степень доктора юриспруденции, в 1765 г. он стал профессором Коллегиум Каролинум в Брауншвейге, где и подготовил свою книгу, а в 1779 г. переселился в Вольфенбюттель, чтобы работать в Герцогском архиве.⁴³

Книге предпослано вступление, имеющее целью осветить всю предшествующую смерти Петра I историю России и потому занимающее чуть меньше половины томика. Упоминанию о появлении в России при монголах чеканенных денег соответствует подстрочное примечание на 9 страницах, названное «Нечто о русских монетах», а в конце его указан один из источников — «собрание изображений более чем 300 по большей части старинных русских монет, которым соответствуют отчасти совсем краткие, как кажется, выписанные из больших сочинений исторические справки и разъяснения на русском, а пару раз на латинском языках».

Единственная выдержка выбрана как пельзя более удачно: «При князе Константине Дмитриевиче новгородцы начали делать серебряные денги и торговати ими (от с. мира 6933, от Р. X. 1425)».⁴⁴ Неверной датировки достаточно, чтобы ухватить Стенениую книгу, ее статья «О том, како начаша торговати серебряными деньгами» начинается словами: «Тогда же бысть в Нове граде. . .». Дата для этого «тогда же» исчисляется по двум ранее названным — прямой и косвенной (рождение в 6923 г. у великого князя сына Василия и посещение Смоленска великой княгиней с 10-летним сыном).⁴⁵ У Леклерка, т. е. Меллера, та же дата с отсылкой к 1241-му листу Столепной книги отнесена к аналогичному тексту: «Sub principio Constantino Demetrieveitz, cives Novogoroden-

⁴² [Christoph Schmidt, genannt Phisoldeck]. Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peters des Grossen, B. I. 1724—1730. Riga, 1777, S. 31.

⁴³ Allgemeine Deutsche Biographie, B. 32. Leipzig, 1891, S. 19—20.

⁴⁴ Materialien. . . S. 37—38.

⁴⁵ ПСРЛ, т. 24, вторая половина. СПб., 1913, с. 424 и 423.

ses argentes nummos cudere coeperunt iisque uti in mercaturae; primo enim mercabantur pelliculis ex frontibus martium detractis; ante dictas vero pelliculos, restellis martium mustellarumque».⁴⁶

На двух таблицах, графированных для книги Шмидта и Брауншвейге Антоном Августом Беком (1713—1787), размещено 26 изображений монет, выбранных из находящейся у автора рукописи, и среди нескольких «городских» монет на одной из таблиц находится и *смоленское пуло* (рис. 6). Нужно воздать должное неопытному русскому рисопальщику, который, создавая из сохранившихся деталей монетного изображения домысленную композицию смоленского герба, сохранил чрезвычайно характерные детали монеты-оригинала; не меньше и заслуга Бека, не пренебрегнувшего ими. Благодаря этому и был опознан оригинал рисунка как обыкновенное *м о с к о в с к о е пуло* с дефектным, полустертым изображением гарпии — крылатой спрены с птичьими лапами вместо рук (рис. 3, з).⁴⁷ Надпись при определенных утратах буквы позволяет предположить слово «смоленское».

Московские пулы XV—начала XVI в. (их еще застал в Москве С. Герберштейн) известны двух размеров. Изображение гарпии появилось на ранних крупных и перешло в той же композиции на маленькие. При опознании оригинала «смоленского пула» я предполагал, что трансформация гарпии в пушку произошла с ранним, более крупным пулом; но зачем же гадить, если унаследованнице Кунсткамерой монеты И. В. Брюса находятся в Эрмитаже, куда ее собрание перешло в полном составе, частично дополнив основное собрание, а частично образовав особо хранимый фонд!

Среди больших пулов Кунсткамеры ничего подходящего не оказалось, но та самая крохотная монетка, которую В. И. Татищев подарил Брюсу как смоленское пуло, открылась с первого взгляда среди малых (рис. 3, д). Трещина в штемпеле с гарпией прошла по ее торсу, как раз от поджатой птичьей лапы, так удачно, что отрезала от него на монете подобие пушечного ствола — даже с выгибом (шарообразным хвостовиком). В. И. Татищеву, на личной печатке которого находилось милое сердцу потомка смоленских князей изображение смоленского герба (введенного в XVII в. поляками вместо старого), ничего не стоило в силуэте стертого крыла гарпии увидеть сидящую на пушечном стволе птицу.⁴⁸ Кокетливо завернутый хвост рептилии с сохраненными

⁴⁶ Le Sage M. Histoire... , p. 539.

⁴⁷ С п а с с к и й И. Г. Пуло смоленское. — Сообщ. Гос. Эрмитажа, 1974, № 39, с. 59—63. — Разоблаченная в этой статье подделка московского литежера XIX в. для старых гербоведов была единственной, да и то обычно сомнительным доводом и пользой древности смоленского «пушечного» герба, достоверно известного только с XVII в. (см. след. прим.). В книге В. С. Драчука «Рассказы из геральдики» (М., 1977, с. 79—81) излагается история этого герба с XIV в.; фигурирует и злополучное пуло. См. также: С и р а н с о н И. И. Земельные гербы России XII—XIX вв. М., 1974.

⁴⁸ Гербовник Аннеима Титовича Кулзева 1785 года. Издал С. Н. Троицкий. СПб., 1912, с. 146. — На герб Татищева обратил мое внимание А. Г. Козлов.

обоими художниками чешуйками обернулся несколько странным упором лафета пушки. Делом чистого воображения было представить на месте отсутствовавшего второго крыла недостающее колесо пушечного станка, а на стороне с надписью сохранился как раз те буквы, которые позволяют отгадать нужное слово — «смоленское»: П О . Л — М О . . — Ъ С К — . .

Итак, каталог коллекции Я. В. Брюса, безошибочно опознаваемым по наличию в нем своего рода «уникама» и по тексту близкий к «Нумизматической истории» Меллера, оказался в распоряжении Шмидта в Брауншвейге: он был предоставлен граверу для его работы. Нарочито неясный намек Шмидта на Геттинген как место хранения его источника может быть взят под сильное сомнение. Уже по целому комплексу признаков бруссовский каталог, покинувший Брауншвейг вместе со Шмидтом, открывается и довольно подробном описании неизвестной нумизматической рукописи XVIII в. Вольфенбюттельской герцогской библиотеки, составленном в 1839 г. С. М. Строевым для его свода русских рукописей заграничных публичных библиотек.⁴⁹

Рукопись в 4° «Russ. antique monetae» (тиснение на корешке кожного переплета), альбомного формата в 220 листов (19 — по нумерованным) содержит 349 изображений русских монет (начиная с древнейших) и медалей. Самая поздняя по дате — медаль 1730 г. на коронацию Анны Иоанновны. Отмечая «отсутствию порядка», хронологического и географического, в расположении материала, Строев указывает, что описание начинается с повгородских монет, а как одно из мест чеканки называет и Смоленск. Следование Меллеру очень точно передают слова: «Объяснения, приложенные к рисункам, относятся собственно не к монетам, а к князьям, коих имена на них выставлены».⁵⁰ Вызвавшие недоумение Строева изображения «продолговатых» (т. е. овальных) медалей с изображениями великих князей Всеволода Юрьевича и Ярослава Всеволодовича, которых, естественно, он мог узнать только по имеющимся надписям, выводят уже прямо на собрание Я. В. Брюса, в котором до его смерти хранилась заказанная им в Нюрнберге И. Доршу (1676—1718) серия из 32 инталей, резанных с портретов «Титулярника» на уральской яшме.⁵¹

Благодаря помощи д-ра Г. Хатца (Музей истории Гамбурга) наличие рукописи в Библиотеке герцога Августа быстро подтвердилось, и хранитель отдела рукописей д-р В. Мильде любезно прислал нам ксерокопии ряда листов.

⁴⁹ Ст р о е в С. Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции. М., 1841. с. XI и 105, № 52. См. также: К у н ц е в и ч Г. З. Перечень русских рукописей Герцогской библиотеки в Вольфенбюттеле. СПб., 1912, с. 9.

⁵⁰ Там же, с. 105.

⁵¹ М и к с и м о в а М. Портреты русских князей и государей работы резчика Иоганна Дорша. — В кн.: Государственный Эрмитаж, сб. 3. Л., 1926.

Рукопись напоминает названный выше «Альбом редкостей» тем, что место для описаний делится на две колонки, но заполняется только левая, а в правой кое-где находятся относящиеся к монетам выписки на латинском языке, как на первых листах альбома перевод на немецкий. На листах в одинаковых прямоугольных рамках помещены изображения монет в виде пар одинакового размера кружков; около некоторых очерчен и истинный формат монет. На большинстве листов только по одной монете, несколько рамок охватывают три-четыре пары кружков, а один лист занят 16 изображениями разновидностей новгородской денги. Изображения пронумерованы римскими и повторно арабскими цифрами.

Первые два десятка листов разграфлены полностью, а далее только изредка. Отведенные для «описаний» колонки имеют уже знакомые нам по «Нумизматической истории» четыре графы, озаглавленные, как и там, но по-русски: две для дат, «книги» и «листы». В правой колонке сверху, вплотную к рамке рисунков, очерчены еще две клетки для отсылок к другим монетам «по владению» (т. е. по князю или городу) и по «фигурам» — подобно изображениям. Они заполнены на всех листах, тогда как колонки для «описаний» на многих остаются чистыми. Там, где имеется несколько изображений, вместо деления на колонки лист покрыт парами клеток.

Русский текст на законченных листах точно повторяет соответствующие разделы «Нумизматической истории», а когда недостает места, продолжается и на обороте, обычно чистом. Самое же примечательное в этой рукописи заключается в том, что отсылки совпадают не только в графах с датами и пометками («Ст.», «Лп», «Экс.»), но и номера листов указываются одни и те же; однако это не пагинация, как можно было бы подумать, списка Степенной книги, принадлежавшего Я. В. Брюсу и хранящегося ныне в Отделе рукописей ГАН в Ленинграде: в нем и листов-то только 760.⁴² Составитель каталога Брюса сохранил отсылки к списку, с которым работал П. В. Меллер в Москве. Там же, можно предполагать, могли остаться после Меллера и другие его источники.

Наиболее важное наблюдение, вытекающее из сравнения с первоисточником каталога Брюса, заключается в том, что в последнем меллеровский аппарат систематизации приведен в действие: произошла определенная перегруппировка разделов: «по-татицки» на первый лист пришла признаваемая начальной для всей Руси чекапка Новгорода, ближе к началу сдвинулись и другие города и расположились в другом порядке; групповые таблицы собирают вместо однородный материал: смоленское пуло изображено среди других медных пулов, а еще одна таблица сводит вместе монеты Василия Темного с бросающейся в глаза редкой

⁴² Срезневский В. И., Покровский П. Ф. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. I. Рукописи, т. 3, вып. 1. Л., 1930, с. 142—144. Книга степенная, 32.8.4.

формулой легенды «осподарь всея земли русские», и на этот же лист выведена еще одна его монета с обыкновенной легендой, но с тем же изображением (общий штемпель!), что находится и на одной из отобранных по легенде монет.

«Новгородская таблица» первой показывает двуязычную монету, в русской легенде которой (по недоразумению) усмотрено имя Новгорода, далее идут многочисленные варианты новгородских монет периода самостоятельности; заканчивается серия великокняжескими денгами. Наряду с этим в каком-то ином аспекте отдельные новгородские монеты встречаются на других таблицах. Кроме неизвестной Меллеру повинки — смоленского пула, на отдельном листе представлена псковская «денга Заманна». Более тщательное изучение каталога по получении всех необходимых материалов сулит немало интересных открытий.

В заключение можно указать, что и к созданию упомянутых списков «Альбома редкостей», датированного по позднейшей медали (брауншвейгская медаль на смерть Натальи Алексеевны) не ранее 1728 г., Меллер имел некоторое отношение. Во всяком случае единственная монета, изображенная в альбоме не схематично, а рисованная с натуры, принадлежала ему (рис. 1 и 3, ж).

Если бы у В. Н. Татищева в последние годы жизни каким-нибудь чудом оказался издававшийся в Нюрнберге нумизматический журнал И. Кёлера за 1746 г., он узнал бы о смерти старого знакомого и сослуживца по Уктусу в 1720 и 1721 гг. и Москве в 1728—1731 гг., хотя имя того в публикации не названо; узнал бы и описанную там коллекцию русских монет с «росписью» на 8 листах, предложенную к продаже наследникам собрата. Издатель описал ее очень подробно, так как, помимо росписи, и на планшетах с монетами находились написанные по-русски этикетки с именами князей и датами.⁵³ (Некоторые несуразности и вероятные пропуски сходных имен, по-видимому, возникли при публикации).

О коллекции сообщалось, что она составлена за 30 лет службы в России по Горному ведомству, с немалыми трудностями была вывезена владельцем и теперь предлагается к продаже его наследниками из С. Этих данных вполне достаточно, чтобы опознать служившего в России с 1699 г. саксонца И. Блюэра (Blüher), вернувшегося на родину в чине обер-бергмейстера около 1731—1732 гг. Изъездив в молодые годы чуть ли не всю Россию от Карелии до Кабарды, Урала и Сибири,⁵⁴ в старости он постоянно с 1728 г. жил в Москве, работая в Берг-коллегии, следовательно, возобновил знакомство с Татищевым, который тогда управлял Московским монетным двором по ведомству той же Берг-коллегии.⁵⁵ Не прихо-

⁵³ Johann David Köhlers Historischer Münz-Belustigung 18er Teil. Nürnberg—Berlin, 1746, N 38, 21 September, S. 297—302.

⁵⁴ В. Н. Татищев упоминает о нем в «Примечаниях на книгу Страленберга» (Татищев В. Н. История Российская, т. VII, с. 428).

⁵⁵ См.: Спасский И. Г. На заре русской нумизматики. . . с. 57—62.

дятся сомневаться и в его контактах с П. В. Меллером, Я. В. Брюсом и П. И. Мусиным-Пушкиным.

Даже состав богатой коллекции Блюэра, включавшей прекрасный подбор редких московских и градных золотых всего XVII в., носит на себе печать его странствований; вместе со старинными русскими монетами («новое время» — с Алексея Михайловича — его не интересовало и было представлено только золотыми) у него было два «старинных арабских дуката», скорее всего добытых на Кавказе, а в удивительной структуре коллекции, в ее определенной политической тенденции, в полном понимании значения титулов и в обилии датировок, наконец, в именовании (Иван III и Василий III — «Великие») нельзя не ощутить наставника — Татищева, несмотря на самое существенное расхождение с ним Блюэра в вопросе о дате начала монетной чеканки: самые ранние монеты коллекции приписываются им великим князьям Данилу Александровичу (1277 г.), за ним идут Борис (1308 г.) и Дмитрий (1364 г.).⁵⁶ Это ужешло, по-видимому, от других авторитетов или от самонадеянного владельца.

Чрезвычайно интересна общая «экспозиция» монет московских великих князей со своеобразными повторами и «смещениями плана»: им отведены 3 из 12 планшетов, в первых ряд они перебиваются «татарским» планшетом (татар представляли куфические дирхемы), а вторично уже двумя — с монетами только удельных князей, преимущественно московских, и планшетом тверских монет, причем здесь никто не поименован великим! На первом представлены монеты от Данила Александровича до Ивана III (его дата — 1473 г.), на втором (после «татар») — монеты от Дмитрия Ивановича (1362 г.) до Василия III (1532 г.), на третьем (после тверских) — от Василия Васильевича (1430 г.) и опять до «Василия Ивановича Великого» (здесь дата явно искажена — 1492 г.). Невозможно сомневаться, что такое сложное размещение подразумевало какую-то вполне определенную историческую концепцию.

Присутствие в этикетках при именах князей дат, в основном правильных, но меняющихся (в пределах возможного) при повторных упоминаниях, дает основания видеть в рукописи, названной Келером «описанием», еще один вариант «Нумизматической редакции» Степенной книги.⁵⁷

Таким образом, появляется возможность признать, что в первой трети XVIII в. возникла довольно определенная редакция рассмотренного выше историко-нумизматического руководства; с наибольшей долей вероятности может быть назван его составитель и отмечаются существовавшие реплики-каталоги. Опубликован-

⁵⁶ Münz-Belustigung, S. 300.

⁵⁷ Источники каталога Блюэра «Нумизматической истории» по исчерпываются, так как приводимые в нем даты чеканки, но в большинстве точно не совпадают с графой «История». Одна из дат — 1619 г. — подсказывает, что источником ее была книга 1701 г., впервые сообщавшая о чеканке датских «денежков» (K e d e r Nikolai. Ad collectores N. L. Lubecensis epistola. Nova literaria maris Baltici et Septentrionalis. Lubecae, 1701, p. 19).

пнн Леклерком трактат позволяет даже размыскивать конкретные списки — источники Меллера.

В заключение следует остановиться на несохранившемся историко-технологическом труде В. Н. Татищева о русских монетах, которое А. И. Андреев признавал работой по русской нумизматике.⁵⁸ Сообщая в конце 1732 г. Шумахеру о получении «проекта к сочинению истории», в котором упоминались и монеты, Татищев рекомендовал «Петра Муллера» и не без оттенка сомнения предлагал: «Что касается монет, оных известие с 1664 г., киковым весом, пробую деланы, когда и как переменены, также и о возвышении цены на золото и серебро, все могу, ежели потребно, сообщить. Прежде же оного времени никакого известия не имеем».⁵⁹

В наше время это исследование Татищева, если бы оно нашлось в архивных фондах Берг-коллегии, получило бы в нумизматике такое же признание, как и созданный 50 годами позднее в том же ведомстве Берг-коллегии труд И. А. Шлаттера «Историческое описание, до монетного дела принадлежащее. . . с показанием числа денег, koliko оных в царствование каждого монарха по тысящам выходило».⁶⁰ Но в XVIII в. спрос с нумизматики ограничивался, в сущности, сведениями, которые историк мог получить из монетных легенд, да «эмблематми» — изобразительной стороной. Оба исследования были порождены «навязчивой идеей» финансового руководства страны вернуть из обращения массу серебра, выпущенного в виде «проволочных» копеек со второй половины XVII в. до прекращения их чеканки в 1718 г. Годом раньше, в августе 1731 г., Татищев писал о том же: «Надеюсь вскоре всю оную нехорошую монету в пользу государства неумоля и лучшую переделать».⁶¹ Но прошло много лет с 1707 г., когда Петр I впервые высказал надежду расстаться со «старыми вшами»,⁶² до 1751 г., когда удалось, наконец, запретить обращение этих монет.

В 1727—1732 гг., когда проза монетного дела была предметом повседневных забот В. Н. Татищева, его равно занимало создание новых монет⁶³ и истребление старых: указы этих лет пестрят упоминаниями о «старых серебряных мелких деньгах», особенно «до 206 года»,⁶⁴ т. е. более тяжелых, выпущенных до начала реформы Петра I и последнего уменьшения веса копейки в 1698 г.

⁵⁸ Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева. . . , с. 12, прим. 3.

⁵⁹ Материалы по истории имп. Академии наук, т. II, с. 180.

⁶⁰ Горный журнал, 1832, ч. III и IV; ср. ЧОИИДР, 1894, т. III, ч. V, с. 103.

⁶¹ Материалы по истории имп. Академии наук, т. II, с. 63.

⁶² Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. 6. Июль—декабрь 1707 г. СПб., 1912. Письмо от 26 декабря 1707 г.

⁶³ Монеты царствования имп. Петра II. . . , с. 2 (Журналы Верховного тайного совета 31 января 1728 г.: «. . . потом впущен был советник Татищев и объявил медных копеек новые штампы, из которых одни апробованы»).

⁶⁴ Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в Полном собрании законов с 1649 по 1881 г., вып. 1. СПб., 1881, с. 81, 104, 110, 114, 116, 123, 125 и др.